

УДК 327(71)

С.И. БЕЛЕЙ, аспирант кафедры международных отношений
Донецкий национальный университет,
Украина, г. Донецк, ул. Университетская, 24
Электронный адрес: stasbeley@gmail.com

КОНЦЕПЦИЯ «БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КАНАДЫ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Противостояние Соединенных Штатов Америки и Советского Союза во время «холодной войны» и стремление этих двух сверхдержав укрепить свою материальную и идеологическую силу на международной арене оказали влияние на создание правил и норм национальной безопасности. В тот период последние ассоциировались с институтами национальной безопасности, которые формировали позиции акторов международных отношений относительно источников внешних угроз.

Большая часть конфликтов, межгосударственных и внутригосударственных, экономических и социальных, рассматривались с точки зрения биполярной структуры международной системы [13, р. 16]. Вопросы безопасности человека, такие как права человека и экономическая безопасность, были лишь частью главной дискуссии, которая разворачивалась вокруг проблем национальной безопасности.

Окончание «холодной войны» обусловило развитие новых тенденций и парадигм в сфере международной безопасности. Произошли изменения в деятельности акторов международных отношений, которые постарались эффективнее адаптироваться к новым международным условиям для реализации собственного потенциала и укрепления своей международной позиции. После окончания «холодной войны» акторы в международной системе были, в определенной степени, свободны от влияния и давления государственно-ориентированной динамики мировой системы. Источники угроз выглядели более абстрактными, и цели этих угроз сместились от проблем общего существования государства к понятиям уровня индивида.

В теории и практике международной безопасности акцент исследований сместился от угроз применения военной силы и контроля над ее применением государствами к анализу невоенных угроз, таких как бедность, нарушение прав человека, экономическая безопасность, ухудшение окружающей среды и т.д. Возникает концепция «безопасности личности» (*human security*), которая

В статье рассматривается концепция «безопасности личности» и внешнеполитическая доктрина министра иностранных дел Канады Ллойда Эксурси. Подчеркивается тенденция в исследованиях международной безопасности, заключающаяся в смещении от исследований угроз национальной безопасности к анализу невоенных угроз. Названы основные предпосылки и причины возникновения рассматриваемой концепции, проанализированы ее составляющие на примере внешней политики Канады в период с 1996 по 2000 г. Определены роль и место концепции «безопасности личности» в системе общей безопасности государства.

Ключевые слова: безопасность личности; национальная безопасность; доктрина Эксурси; мягкая сила; Канада; ООН

утверждается как направление не только в академической сфере, но и в выработке внешнеполитических доктрин ряда стран (Канада, Япония, Норвегия и другие государства средней силы).

Методологической основой данной статьи являются работы западных политологов и ученых, в частности Р. Гиршика, Г. Кинга, К. Мюррея, П. Хайнбеккера и Р. Периса [8; 10; 11; 16]. Рассматриваемая тема стала основной в Программе ООН по развитию (1994) в Докладе о развитии человечества [23]. Теоретическая и аналитическая база для внешнеполитических концепций Японии и Канады основана на четко выработанных концепциях на государственном уровне, источником которых в большей степени послужила деятельность Л. Эксуорси и К. Обучи [2; 3; 15]. Дакота Норс, американский ученый из Кембриджского университета, проводит детальный анализ основных тенденций в постбиполярном мире, акцентирует особое внимание на смещении приоритетов в сфере национальной безопасности [13]. При поддержке Программы грантов правительства Канады российский исследователь А. Касьянова анализирует внешнеполитическую доктрину Эксуорси и «новую дипломатию» Канады [1]. Б. Проспер проводит компаративный анализ доктрины Эксуорси и современной внешнеполитической доктрины Канады, рассматривает причины, предпосылки и условия, в которых происходит переход к концепции безопасности личности и среднегоосударственному интернационализму [17]. Современный подход к использованию мягкой силы (*soft power*) и взаимозависимости акторов международных отношений в информационную эпоху представляют Дж. Най и Р. Кохейн [14]. Зарубежные исследователи внешней политики и политики безопасности Д. Чандлер, Д. Стейрс, А. Коен, Р. Перис и Т. Хетли [6; 7; 9; 18; 19] критикуют внешнеполитическую концепцию Эксуорси, утверждая, что достижение заявленных целей превышает возможности Канады. Также говорится о несоответствии сформулированной внешнеполитической программы и действий, направленных на реализацию этой политики.

Предметом нашего исследования является концепция «безопасности личности» и внешнеполитическая доктрина министра иностранных дел Канады Ллойда Эксуорси (Axworthy). Канадская концепция «безопасности личности» интересна для анализа с теоретической и практической точек зрения. Она выдвигалась от имени государства, которое априори имеет уникальное право на формирование собственных потребностей в сфере национальной безопасности, но при этом сознательно идет на ограничение права на учет потребностей собственной безопасности. Вместе с этим Канада остается членом Североатлантического альянса НАТО – военно-политической организации, которая на сегодняшний день, в большей степени, полагается на использование жесткой силы в разрешении споров и конфликтов.

Цель статьи – рассмотреть основные положения концепции «безопасности личности», ее место, роль и значение в деле обеспечения современной международной безопасности. При этом для более содержательного анализа в качестве примера используется внешнеполитическая доктрина Канады в период 1996-2000 гг.

Термин «безопасность личности» был впервые использован в «Докладе о развитии человечества» Программы ООН по развитию (1994). Однако

в этом Докладе не дано дефиниции «безопасность личности», а лишь представлен перечень универсальных ценностей, к достижению которых нужно стремиться, а также названы сферы жизнедеятельности человека, в которых необходимо достичь определенного уровня защищенности индивида. Систематизируя положения Доклада, попытаемся дать определение понятия «безопасность личности» с позиции Программы ООН по развитию. Безопасность личности – это стабильное состояние надежной защищенности жизненно важных интересов личности, которое обеспечивает «свободу от потребностей» и «свободу от страха» всех лиц, содействуя при этом развитию и защите прав, ценностей личности от угроз в сферах экономической, политической, общественной безопасности, безопасности окружающей среды, здравоохранения и продовольствия [23].

При наличии такого абстрактного определения понятия «безопасность личности», которое не дает исчерпывающего ответа на главные вопросы в области безопасности, появляются альтернативные идеи и походы к дефиниции этого понятия.

Гарри Кинг (King) и Крис Мюррей (Murray) попытались сузить определение, сводя «безопасность личности» к «периоду человеческой жизни, когда индивид не испытывает состояния общей нищеты». Согласно их определению, «общая нищета» означает «падение ниже критического уровня благосостояния в любой сфере жизнедеятельности человека». Также они анализируют такую категорию, как «область человеческого благосостояния». Этот набор определений имеет сходства с понятием «свобода от потребностей», но более конкретно ориентирован на систему ценностей [11, р. 587].

Кэролайн Томас (Thomas) рассматривает «безопасность личности», описывая в первую очередь «условия существования». Эти условия предполагают наличие основных материальных и духовных потребностей, таких как человеческое достоинство (включая активное участие в жизни общества) и основные понятия демократии (от локального до глобального уровней) [21, р. 17].

Как уже говорилось, канадская концепция «безопасности личности» неразрывно связана с деятельностью министра иностранных дел Канады Ллойда Эксуорси (1996-2000) и имеет мощную пятилетнюю практику, связанную с международной деятельностью. Поэтому данную концепцию необходимо рассматривать и анализировать в комплексе с доктриной Эксуорси, которая стала главным катализатором для выработки и реализации новой концепции внешней политики Канады.

Трансформация международных отношений, государств и обществ, последствиями которых были кризис и нестабильность, предопределила разнообразные угрозы – глобальные проблемы, неравномерность экономического развития, терроризм и другие формы угроз, которые лишают человека уверенности в собственной защищенности и безопасности. Соответственно, человек стремится выстроить самостоятельно или в сотрудничестве с другими субъектами международных отношений такую систему безопасности, которая бы гарантировала ему и обществу защиту от возникающих угроз. Концепция «безопасности личности» является ответом на эти угрозы, которые охватывают все больше сфер жизнедеятельности человека, и таким образом

она может претендовать на место в системе общей безопасности (*overall security*). Поэтому, в контексте этой темы, возникает необходимость определить ее место в системе общей безопасности, включая национальную, государственную и международную.

Основными критериями выделения той или иной модели безопасности могут быть: а) каким является главный объект безопасности, и какой уровень безопасности считается приоритетным; б) какие ценности выступают первоочередными для защиты; в) какие мероприятия являются возможным и достаточным условием для реализации политики безопасности [20, р. 72].

Права человека на безопасность – отправная точка в исследовании и обеспечении других уровней – групповой, общественной, национальной, региональной и международной безопасности. Таким образом, с учетом того, что человек является наивысшей ценностью, безопасность личности и право на нее являются объектом, который заслуживает внимания со стороны общества и государства.

Классификация уровней безопасности по объектам включает также общественную, государственную (национальную) и международную безопасность. Тем не менее такая классификация по масштабу объекта безопасности не указывает на иерархичность приведенных уровней. Скорее они являются одинаковыми по значению, а на определенных этапах человеческой истории, в определенных обстоятельствах большее значение приобретает тот или иной уровень.

Можно с большой долей уверенности предположить, что в начале XXI века соотношение международной, национальной и общественной безопасности с безопасностью личности еще не позволяет последней заменить их, а лишь дает возможность дополнить. Понятно, что роль человека в современном мире чрезвычайно важна, но важно и понимание того, что реализация безопасности личности, по крайней мере, на современном этапе, не должна полностью подменять другие уровни безопасности. Что касается взаимосвязи уровней безопасности, то в зависимости от государственного устройства «безопасность личности» и «национальная безопасность» могут дополнять либо противоречить друг другу. Например, слабые и неэффективные государства нередко выступают основным источником угрозы безопасности для собственных граждан.

Идея «безопасности личности» к середине 1990-х гг. имела достаточную, хотя не очень однородную, выработанную теоретическую базу и концептуальный фундамент. Утверждение значимости личности как главной меры глобальных процессов развития международной безопасности связано с серией работ Римского клуба 70-х гг. XX века, докладами Комиссии по международному развитию, разоружению и безопасности под руководством Вилли Брандта (Willy Brandt) и Улофа Пальме (Olof Palme) 1980-х гг., с деятельностью Комиссии ООН по глобальному управлению и в особенности с усилиями Мабуба уль Хака (Mahbub ul Haq) по разработке и внедрению «индекса человеческого развития» в первой половине 1990-х гг. в рамках программы развития ООН [1].

Со второй половины 1990-х гг. концепция «безопасности личности» становится актуальной для внешнеполитических доктрин ряда стран. С 1996 года

эту идею в качестве главной внешнеполитической доктрины приняла Канада, с 1998 г. она является основной для японской дипломатии. Однако сущность и понимание этой концепции для каждой страны индивидуальны.

Для Канады это инициативы, направленные на защиту гражданского населения (и отдельно детей) от насилия и угроз, возникающих в ходе вооруженных конфликтов в странах третьего мира, и развитие международного гуманитарного права. В соответствии с политикой Министерства иностранных дел и международной торговли Канады безопасность личности не подменяет национальную безопасность, скорее, «национальная безопасность» и «безопасность личности» – два взаимно дополняемые понятия [2].

Подход Японии является в определенном смысле более содержательным, чем канадский. В соответствии с концепцией внешней политики Японии, «безопасность личности всесторонне охватывает все угрозы, помимо человеческого существования, повседневной жизни и достоинства человека, также ухудшение окружающей среды, нарушение прав человека, транснациональную организованную преступность, незаконное распространение наркотиков, беженцы, бедность, противопехотные мины, инфекционные заболевания, СПИД и консолидирует усилия для противостояния этим угрозам» [12]. Для Японии это ориентация на социально-экономические условия обеспечения всестороннего развития человека – в контексте преодоления последствий азиатского финансового кризиса через комплекс программ поддержки в глобальном масштабе – через созданный ею при ООН Фонд безопасности личности и достижение целей устойчивого развития [15].

В указанных странах процесс внедрения идеи «безопасности личности» в национальную внешнеполитическую стратегию носил яркий личностный характер и связан с именами министра иностранных дел Канады Ллойда Эксурси и премьер-министра Японии Кейзо Обучи. По причине огромного личностного влияния Эксурси (и других факторов) развитие этой концепции не нашло последователей и поэтому сейчас можно говорить о том, что «безопасность личности» утрачивает свою приоритетность во внешней политике Канады [1]. Японский же вариант, в силу его широкого и умеренного профиля, оказался устойчивый к смене нескольких премьер-министров и продолжает сохранять свое место в японской дипломатии.

Канада выстроила хорошо скоординированную программу, стержнем которой явилась тема «безопасности личности», – концепцию, которая оказалась актуальной в период после окончания «холодной войны» и благодаря которой Канада стала выделяться среди других акторов международных отношений. Разработка альтернативных методов реализации этой программы, представленных как «новая дипломатия», также составляла отличительный элемент канадской внешнеполитической стратегии.

Министр иностранных дел Канады Эксурси стремился институализировать безопасность личности по двум направлениям: в пределах канадской внешней политики и в широкой международной системе. Явно акцентировалось внимание на исторической вовлеченности в миротворческие операции ООН и использование международных институтов, таких как ООН, для содействия реализации новых политических идей [3].

Идейными источниками доктрины Эксуорси были две парадигмы: трансформационная и либеральная. Трансформационная теория основывается на природе международных изменений, таких как проблема государственного суверенитета и восстановления политической власти на фоне роста негосударственных акторов. Либерализм подчеркивает центральную роль индивида в международной системе, возможность поиска консенсуса между государственными интересами и веры в то, что глобальное гражданское общество и международный либерально-демократический порядок будут содействовать сотрудничеству и защите прав человека [17, p. 236].

Эксуорси неоднократно заявлял, что мировая система, в центре которой находится государство, пребывает в состоянии глубокой трансформации, сутью которой есть пересмотр межгосударственных отношений и отношений между государством и обществом. Согласно Эксуорси, в период после окончания «холодной войны» возникла ответственность за сохранение государственного суверенитета и защиту и улучшение благосостояния отдельных лиц в пределах не только их собственного государства, но и во всем мире. Можно сделать вывод, что международное сообщество должно быть заинтересовано в благополучии граждан (индивидов) в любой точке мира, даже если их правительства не могут обеспечить этого. Как международная норма, безопасность личности преобразовала основы международных отношений прежде всего потому, что эта концепция предполагает стирание территориальных границ и стремление обеспечить достойный уровень жизни людям во всем мире.

Стремление к безопасности личности, в соответствии с доктриной Эксуорси, неизбежно ведет к универсальной концепции мирового масштаба, где государства связаны друг с другом сетью международных норм и стандартов, направленных на обеспечение равной защиты граждан и принуждение государственных лидеров быть ответственными за их действия в отношении защиты индивидов. Как заметил Стейрс (Stairs), в преследовании программы безопасности личности, совершенно очевидно, что Эксуорси был готов не только к ограничению сфер действия принципа суверенитета, но и к установлению ограничений в тех сферах, где национальные правительства имеют явное доминирование. Хотя он не утверждал, что государственный суверенитет утратил свою полезность, но акцентировал внимание на том, что принцип государственного суверенитета должен быть изменен таким образом, чтобы он служил созданию глобального общества, нормы которого направлены на защиту человека и согласовывают государственное поведение с международными гуманитарными нормами поведения [18, p. 10].

С развитием канадской концепции «безопасности личности» Эксуорси взял на вооружение разработанную американскими теоретиками Дж. Наем (Nye) и Р. Кохейном (Keohane) концепцию «мягкой силы» [14]. Согласно Наю, внешнеполитическая доктрина Канады решала две задачи: определение «повестки дня» – формулирование, обоснование и предложение, относящиеся к определенной проблеме; и «кооптацию» – убеждение потенциальных партнеров в необходимости ее принятия.

Смещение власти от государственных акторов к глобальному гражданскому сообществу – это другой фактор, который основывался на пересмотре

государственного суверенитета. Неправительственные организации (НПО) имеют глобальный характер, и большее количество недавно созданных НПО специализируются на проблемах, таких как безопасность личности. Согласно Эксуорси, «эти организации обычно обладают большей свободой, чем государства, высказывать свое мнение и принимать меры» [3, р. 21]. Например, «оттавский процесс» во многом зависел от усилий международной кампании по запрету противопехотных мин, коалиции НПО, Mines Action Canada (MAC), группы канадских НПО и Международного комитета Красного Креста. После успешной формулировки повестки дня относительно противопехотных мин и определения наиболее важного круга вопросов эти НПО содействовали становлению позиции правительств, а впоследствии приняли участие в официальных переговорах, которые привели к подписанию Оттавской конвенции. Согласно Камерону (Cameron), «в процессе Оттавы, политика правительств была привязана к повестке дня, установленной НПО, а не наоборот» [5]. Доктрина Эксуорси утверждает, что глобальное гражданское общество играет центральную роль в продвижении повестки дня безопасности личности, которую национальные правительства должны понимать и учитывать, если они хотят добиться прогресса в области программы безопасности личности.

В рассматриваемый период Канадская концепция «безопасности личности» отличалась тем, что, при высоких понятиях и разговорах об улучшении системы безопасности, ее принципы утверждались через конкретные внешнеполитические инициативы. Канада реализовала следующие инициативы: кампания по подписанию и вступлению в силу Договора о запрещении использования, производства, передачи и хранения противопехотных мин (1996-1998 гг.); кампания по созданию и внедрению международных правовых норм, защищающих детей в условиях вооруженных конфликтов (с 1996 г.), и по искоренению нелегальной торговли легким оружием (с 1998 г.); принятие Римского статута по организации Международного уголовного суда (1998 г.); оформление международной коалиции по безопасности личности (Human Security Network) (с 1998 г.); по инициативе Канады была создана Специальная комиссия ООН по гуманитарной интервенции и суверенитету (1999-2000 гг.) [22, р. 356].

Сторонники доктрины «безопасности личности» Эксуорси утверждали, что в мировом сообществе существуют ряд стран (Норвегия, Швеция, Австрия, Ирландия и др.), которые имеют потенциал и возможности для защиты и продвижения идей безопасности личности в мировом масштабе. Преобладание мягкой силы над жесткой силой в политике обороны и безопасности делает Канаду ключевым игроком в этой сфере. В случае с Канадой, отмечает Пол Хайнбекер (Heinbecker), повестка дня безопасности личности играет преимущественно на стороне Канады, потому что именно эта страна ввела в практику различные элементы этой концепции. Активное гражданское общество Канады, уважение к культурному разнообразию, давняя традиция либеральной демократии и социально-ориентированная рыночная экономика в совокупности делали Канаду образцовым примером для других стран в продвижении концепции безопасности личности. Таким образом, доктрина Эксуорси утверждает, что «мягкая сила будет делать для безопасности личности все то, что жесткая сила сделала для государственной безопасности» [10, р. 8].

Анализируя концепцию «безопасности личности» и доктрину Эксуорси, нельзя говорить лишь о ее преимуществах, нужно также рассматривать ее недостатки и критику, которой она подвергается. Учитывая либеральную ориентированность Эксуорси, доктрина «безопасности личности» предполагает, что интересы государств на международной арене могут быть согласованы в международных сводах норм и правил [4, р. 19]. Делается особый акцент на то, что государства слишком заняты распределенными обязательствами и функциями на международной арене, делегируя часть которых негосударственным акторам, удастся упорядочить поведение как государств, так и других субъектов международных отношений.

Концепция «безопасности личности» была удобна для содействия краткосрочной политике в случае отсутствия четкого стратегического видения внешней политики. При отсутствии геостратегического порядка «холодной войны» и внутренних рамок политики левых и правых ведущим западным государствам и международным организациям было трудно составить долгосрочное стратегическое видение будущего. Поэтому подход «безопасности личности» помог в процессе рационализации этих трудностей и легализировал отсутствие ясной стратегии [6].

К недостаткам доктрины можно отнести: отсутствие должного внимания к интересам государства, государственной власти и роли государств в международной системе; резкий переход после окончания «холодной войны» от военной силы к мягкой силе; нежелание идти на диалог со сверхдержавами.

Разрыв между декларацией «безопасности личности» и ее реализацией был очевидным при правительстве Жана Кретьена (Chrétien). Этот разрыв был вызван существенным сокращением бюджетных средств в тех областях, которые имели наибольшее значение для содействия программе безопасности. Канада должна была быть готовой финансировать военную сферу и сферу дипломатии – две составляющие внешней политики, которые могут эффективно влиять на поведение других государств [19].

В начале 1990-х гг. вооруженные силы Канады испытывали трудности из-за недостаточного финансирования, подрывая тем самым возможность Оттавы сохранить ее приверженность различным инициативам в области безопасности личности. В период с 1993 по 1998 г. военный бюджет страны сократился на 23% и продолжал сокращаться в последующие годы. Если канадский уровень военных расходов от ВВП в 1951 г. составлял 6,6% (четвертый среди стран-членов НАТО), то в конце 1990-х гг. он сократился до 1,1% [7].

Негативным последствием излишнего внимания к мягкой силе и недостаточного финансирования военной силы было то, что Канада смогла лишь экспортировать собственные ценности за границу. Такие понятия, как «дипломатия проповедника» (*pulpit diplomacy*) и «скупая дипломатия» (*pinchpenny diplomacy*), возникли в конце 1990-х гг. для характеристики внешней политики Канады, которая перешла от деятельности в роли среднего государства к глобальной гуманитарной деятельности, совмещающей моральную агитацию и игнорирование военных ресурсов. Если в первом случае подчеркивается необходимость согласования международных обязательств Канады со своими материальными возможностями, то второе касается сохранения активной

позиции Канады на международной арене, компенсируя тем самым ее ограниченные возможности.

В значительной степени указанные недостатки связаны с недооценкой Эксуорси важности вовлечения сверхдержав в развитие программы безопасности личности по двум причинам. Во-первых, он утверждал, что коалиция по вопросам безопасности личности (объединение из тринадцати средних государств) и неправительственные организации способны мобилизовать поддержку и обеспечить успех в инициативах по безопасности личности. Во-вторых, канадский политик пытался не упоминать об инициативах по безопасности личности в политических переговорах, чтобы избежать вовлеченности сверхдержав в этот процесс.

Нужно заметить, что договор о запрещении противопехотных мин был подписан более чем 140 странами мира, основные военные государства – Соединенные Штаты Америки, Россия, Китай и Индия – остались за рамками договора. Несомненно, их исключение представляет собой обоснование для других государств – таких, как Израиль, Египет, Пакистан, Саудовская Аравия и Грузия – остаться вне договора.

Поэтому компромисс с великими государствами имеет все большее значение для долгосрочной эффективности программы «безопасности личности». Это обуславливается отсутствием четко определенного положения государств в коалиции единомышленников. Роланд Перис (Roland Paris) утверждает, что коалиция средних государств умышленно дает абстрактное определение понятия «безопасность личности» и широко трактует повестку дня этой доктрины. По словам Периса, это удобный способ привлечь в коалицию столько стран, сколько возможно, скрывая при этом различные политические позиции среди государств. Сужение определения и четкое формулирование целей и задач скорее всего обозначит и усугубит разногласия между ними, возможно, вплоть до отчуждения отдельных членов и ослабления коалиции в целом [16].

Политические соображения будут продолжать препятствовать коалиции говорить в унисон и отстаивать идеалы безопасности в одностороннем порядке. Если говорить о степени готовности стран предоставить войска и дополнительную поддержку для разрешения гуманитарных кризисов, как, например, в Восточном Тиморе в 1999 г., в качестве индикатора своих обязательств в части безопасности личности, Австралия и Новая Зеландия действовали мобильнее и эффективнее, чем Канада [9]. По сути, члены этой коалиции не стремятся решать повестку дня «безопасности личности» в равной степени, так как каждая страна стремится следовать своим национальным интересам и возможностям. По этой причине коалиция государств-единомышленников не предлагает эффективной замены участия сверхдержав в содействии политике «безопасности личности».

Тем не менее «безопасности личность» стала концепцией, которая отображает трансформацию международных отношений после окончания «холодной войны» и реагирует на смещение приоритетов и угроз в области безопасности. Поэтому, в перспективе, концепция вполне может быть развита в полезный для практической политики аналитический инструмент, позволяющий обеспечивать создание условий для реализации личности (в физическом и социальном

значении) даже при доминировании державы или держав-гегемонов. Эта концепция на практике подтвердила гипотезу о том, что средние державы и негосударственные акторы имеют голос и способны предлагать собственную повестку дня в тяготеющей к однополярности международной системе. Анализ канадской концепции безопасности личности подтвердил смещение приоритетов и методов (переход от жесткой к мягкой силе) в области безопасности.

Однако на современном этапе развития национальных государств и международной системы нет оснований говорить о доминировании безопасности личности в системе общей безопасности, она лишь выступает чрезвычайно важным и потенциально перспективным ее элементом. Формы и принципы рассмотренной концепции только формируются и распространяются, поэтому роль этой концепции на современном этапе проявляется во взаимодействии и поддержке инициатив субъектов национальной и международной безопасности в содействии и развитии концепции «безопасности личности».

Список литературы

1. *Касьянова А.А.* Канада и «безопасность личности»: концепция и политика // США и Канада. 2002. № 8. С. 36-53.
2. *Axworthy L.* Canada and Human Security: The Need for Leadership [Электронный ресурс] // International Journal. 1997. Vol. 52, №. 2. P. 183-196. URL: <http://www.jstor.org/stable/40203196> (дата обращения: 07.12.2013).
3. *Axworthy L.* Human Security and Global Governance: Putting People First [Электронный ресурс] // Global Governance. 2001. Vol. 7, №. 1. P. 19-23. URL: <http://www.jstor.org/stable/27800284> (дата обращения: 08.12.2013).
4. *Bajpai K.* Human Security: Concept and Measurement [Электронный ресурс] // Kroc Institute Occasional Paper. 2000. Vol. 19. P. 1-64. URL: http://www.hegoa.ehu.es/dossierra/seguridad/Human_security_concept_and_measurement.pdf (дата обращения: 07.12.2013).
5. *Cameron M.A.* Democratization of Foreign Policy: The Ottawa Process as a Model [Электронный ресурс] // Canadian Foreign Policy Journal. 1998. Vol. 5, № 3. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/11926422.1998.9673154> (дата обращения: 07.12.2013).
6. *Chandler D.* Human Security: The Dog That Didn't Bark [Электронный ресурс] // Security Dialogue. 2008. Vol. 39, № 4. P. 427-438. URL: http://www.davidchandler.org/pdf/journal_articles/Security%20Dialogue%20-%20Human%20Security%20I.pdf (дата обращения: 06.12.2013).
7. *Cohen A.* While Canada Slept: How We Lost Our Place in the World. Toronto: McClelland and Stewart Ltd., 2003. 224 p.
8. *Girshick R.* Canada and Human Security: Examining the Trajectory of an Idea in Domestic and International Politics // Midwest Political Science Association 67th Annual National Conference. 2009. 2nd April.
9. *Hataley T.S., Nossal K.R.* The Limits of the Human Security Agenda: The Case of Canada's Response to the Timor Crisis [Электронный ресурс] // Global Change, Peace and Security. 2004. Vol. 16, № 1. P. 5-17. URL: <http://>

www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/1478115042000176148 (дата обращения: 07.12.2013).

10. *Heinbecker P.* Human Security, Canadian Institute of International Affairs // Behind the Headlines Magazines. 1999. Vol. 52, № 2. P. 8.

11. *King G., Murray Ch.* Rethinking Human Security [Электронный ресурс] // Political Science Quarterly. 2002. Vol. 116, № 4. P. 587. URL: <http://gking.harvard.edu/files/hs.pdf> (дата обращения: 06.12.2013).

12. *Ministry of Foreign Affairs of Japan* [Электронный ресурс] // Diplomatic Bluebook 1999: Japan's Diplomacy with Leadership Toward a New Century. Tokyo, 1999. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1999/> (дата обращения: 08.12.2013).

13. *North D.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. N.Y.: Cambridge University Press, 1990. 159 p.

14. *Nye J., Keohane R.* Power and Independence in the Informational Age [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 1998. Vol. 77, № 5. P. 81-94. URL: <http://www.jstor.org/stable/20049052> (дата обращения: 07.12.2013).

15. *Obuchi K.* In Question of Human Security // Japan Institute for International Affairs 40th Anniversary Symposium, United of Nations Security. Tokyo. 1999. 11 Dec.

16. *Paris R.* Human Security: Paradigm Shift or Hot Air? [Электронный ресурс] // International Security. 2001. Vol. 26, № 2. P. 87-102. URL: <http://aix1.uottawa.ca/~rparis/Paris.2001.IS.Human%20Security.pdf> (дата обращения: 09.12.2013).

17. *Prosper B.* Canada and Human Security: From the Axworthy Doctrine to Middle Power Internationalism [Электронный ресурс] // American Review of Canadian Studies. 2006. Vol. 36, № 2. P. 233-261. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/02722010609481699> (дата обращения: 07.12.2013).

18. *Stairs D.* Canada and the Security Problem: Implications as the Millennium Turns [Электронный ресурс] // International Journal. 1999. Vol. LIV, № 3. P. 10. URL: www.jstor.org/stable/40203401 (дата обращения: 06.12.2013).

19. *Stairs D.* Canada in the 1990s: Speak Loudly and Carry a Bent Twig [Электронный ресурс] // Policy Options. 2001. Vol. 22, № 1. P. 46. URL: <http://www.irpp.org/assets/po/2001-our-space-odyssey/stairs.pdf> (дата обращения: 07.12.2013).

20. *Terriff T., Croft S., James L., Morgan P.M.* Security Studies Today // Polity Press. 1999. № 3. P. 72.

21. *Thomas C.* Global Governance, Development and Human Security: The Challenge of Poverty and Inequality. London: Pluto Press, 2000. 168 p. [Электронный ресурс]. URL: www.jstor.org/stable/3993404 (дата обращения: 08.12.2013).

22. *Timeline: Human Security in Canadian Policy* / Ed. by R. McRae, D. Hubert. Montreal, 2001. P. 356.

23. *United Nations Development Programme, Human Development Report 1994.* Oxford: Oxford University Press, 1994. 235 p.